

УДК 101.9

DOI 10.25688/2078-9238.2019.30.2.02

Д.К. Стожко

Методологические аспекты изучения проблематики социальной безопасности личности

В статье рассматривается сущность, содержание и структура феномена социальной безопасности личности, различные ее аспекты и измерения. Раскрыта взаимосвязь социальной безопасности личности с сознанием, ценностными ориентациями и субъектными способностями личности. Предложен авторский подход к философской реконструкции феномена социальной безопасности личности. Показаны разные пласты и характеристики социальной безопасности, а также возможности ее дальнейшего изучения в контексте множественной реальности.

Ключевые слова: личность; матричный подход; общество; социальная безопасность; социальная реальность.

Современные теория и практика общественного развития все в большей степени требуют новых подходов к исследованию проблемы социальной безопасности личности в условиях нарастающих рисков, нестабильности и неопределенности практически во всех сферах частной и публичной жизни людей.

Социальная безопасность личности в настоящее время рассматривается в контексте защищенности человека от различного рода угроз и рисков, как степень удовлетворения его объективных интересов и субъективных потребностей. При этом она постоянно оказывается связанной с воспроизводством и сохранением человеческого рода.

Однако есть и другое, духовное измерение феномена социальной безопасности человека. Оно складывается и развивается между двумя противоположными полюсами: эгоизмом и альтруизмом. По этому поводу известный русский философ Н.Ф. Федоров справедливо писал: «Жить нужно не для себя (эгоизм) и не для других (альтруизм), а со всеми и для всех» [12, с. 89–90].

Феномен социальной безопасности человека имеет многомерный характер и несколько векторов измерения, что является основой для различной динамики его развития в разнородных его сегментах. В этих условиях становятся популярными рассуждения о самопроизвольном, спонтанном характере развития личности и общества, сознания и деятельности [7, 9, 10]. Постепенно исчезает различие между понятиями «система» и «совокупность», а структурирование реальности основывается на сугубо психических представлениях [1, с. 180–210].

Сегодня в качестве важнейшего принципа научного исследования используется принцип множественности (плюрализма) [2]. Теоретико-методологической основой выступают также достижения бихевиоризма, гештальттерапии, нейрофизиологии, парапсихологии и других направлений наук о человеке.

Вместе с тем абсолютизация принципа множественности (плюрализма) и отказ от внимания к причинно-следственным связям между процессами и явлениями привели к тому, что в научных дискуссиях все чаще утрачивается смысл, поскольку разговор ведется не на одном, а на разных языках. Этому способствуют всевозможные способы и методы репрезентации предмета и объекта, разнообразные редукционные схемы иллюстрации собственных наблюдений и выводов.

В контексте развития такой постановки вопроса сама социальная безопасность как модальность социальной реальности постепенно стала превращаться в фантом.

Можно констатировать отсутствие четких и общепринятых философских (мировоззренческих) оснований в теоретико-методологической постановке рассматриваемой проблемы. Именно бихевиоризм внес наибольшую путаницу в понимание психического и социального. Пока психологи XX в., от З. Фрейда до Б. Скиннера, оставались детерминистами, ученые верили, что любое поведение человека имеет свою собственную причину [14, с. 662–663]. Но в современных условиях такой детерминизм все больше девальвируется, а с ним — и классическая модель научной картины мира.

Сегодня безопасность личности трактуется как сугубо индивидуализированная «самопроизвольная сборка» конкретных условий и обстоятельств [3]. Определенным возражением такой точке зрения является мнение о том, что «человеческая биология недостаточна для того, чтобы “как следует” очертить поведение человека». Не случайно поэтому исследователи все чаще обращаются к ценностным основаниям человеческого бытия, к конкретным ценностям, которые люди выработали на протяжении своей многовековой истории и которые далеко «выходят за пределы индивидуума и поколения» [5, с. 580].

В условиях современного идеологического плюрализма, закрепленного в ст. 13 Конституции РФ, необходимо отметить, что проблема формирования и укрепления социальной безопасности человека все-таки имеет свою строго определенную идеологию. Поэтому положение о том, что никакая идеология не может быть обязательной для всех граждан, представляется юридическим недоразумением. Она, эта идеология обеспечения социальной безопасности личности, выступает в качестве вполне определенных и обязательных для соблюдения всеми гражданами принципов (норм) поведения, нарушение которых недопустимо со стороны кого-либо.

Первым принципом идеологии социальной безопасности личности является понимание человека и самой человеческой жизни как высших ценностей культурного и цивилизованного общества, правового и социального государства. Право на жизнь, причем на жизнь безопасную и достойную, признается давно.

Вторым ключевым принципом социальной безопасности личности служит положение о личности как субъекте социального творчества. Соответственно, необходимо соблюдение права и создания возможностей для самой личности по активному формированию условий для собственной безопасности. Преодоление иждивенческих настроений и иллюзий о том, что государство без активного участия самой личности способно обеспечить ее безопасность, становится важнейшим условием решения данной проблемы на современном этапе.

Третий принцип формирования и укрепления социальной безопасности личности заключается в том, что безопасность одного человека не должна строиться за счет или в ущерб безопасности других людей, а тем более безопасности общества в целом.

Наряду с идеологическим измерением феномен социальной безопасности личности имеет и темпоральное (временное) измерение. Безопасность личности можно рассматривать как в состоянии покоя, так и в состоянии развития. Причем последний взгляд может быть двояким: подход к проблеме может быть основан на текущем времени (синхронии) и на историческом времени (диахронии).

Поскольку феномен социальной безопасности личности имеет статичное и динамичное измерение, то его диалектика представляет серьезный научный интерес. Статика означает такое состояние человека, когда все его жизненно важные потребности необходимым образом удовлетворены. Но ограниченность ресурсов и социальная конкуренция делают подобное состояние для подавляющего числа людей мимолетным. Поэтому индивид должен вновь и вновь добывать для себя средства к существованию, что он делает главным образом в общественно полезной трудовой форме. Исходя из этого, можно предположить, что безопасность самого труда, а точнее говоря, гарантия на труд и достойные условия труда, как раз и является начальной (стартовой) клеточкой в механизме социальной безопасности человека в целом.

Наряду с идеологическим и темпоральным измерением необходимо обратиться к аксиологическому (ценностному) измерению феномена социальной безопасности личности. Оно связано с конкретными ценностными системами, которые использует личность для оценки состояния собственной безопасности. Превращение тех или иных ценностей в социальные институты требует от человека не только их четкого понимания и адекватной самооценки, но и определенной силы духа. Дело в том, что объективные потребности, проходя через сознание индивида, делают предметной его волю. «В точном смысле слова ум обозначает исключительно рассудок, состоящий на службе у воли» [15, с. 63]. Мир как воля и представление тем самым оказывается сферой человеческой безопасности, поскольку последняя выступает генеральным условием его собственного существования.

В контексте понимания социальной безопасности как удовлетворения объективных потребностей воля позволяет человеку избавиться от негативных

потребностей и потребления того, что можно отнести к категории «отрицательных ценностей», т. е. всего того, что служит препятствием к достижению абсолютной полноты бытия [6, с. 298].

Наконец, важным аспектом феномена социальной безопасности человека служит его эмоционально-психологическое бытие, в рамках которого присутствуют такие проявления человеческой психики, как страх, тревога, беспокойство, опасения и т. д. Они свидетельствуют об относительности состояния социальной безопасности и подталкивают человека к определенным действиям по ее укреплению. В свое время М. Хайдеггер назвал подобные проявления озабоченностью (*sorge*) и рассматривал их как нарушение равновесия между наличным и безопасным бытием [13]. Во многом схожей была позиция С. Кьеркегора, рассматривавшего страх как высшее проявление ощущения опасности со стороны индивида [4].

Разные аспекты и измерения феномена социальной безопасности личности привлекали внимание исследователей, представителей ряда наук. Естественно, что многообразие исследований породило мозаичность общей картины проблемы. Появились своеобразные ее трактовки, оформившиеся в различные матрицы, плато, ризомы, ритуурнели, контенты и т. д. В работах современных философов-постмодернистов (Д. Аганбен, Ф. Гваттари, Ж. Делез, М. Деланд, Б. Латур, Дж. Серль и др.) они прочно заняли свое место.

Отметим, что матричный метод как конструирование многомерного объекта из числа феноменов социальной реальности позволяет более четко обозначить важнейшие уровни научного исследования феномена социальной безопасности человека: сущность, структуру, содержание, системный характер. Это дает возможность уйти от опасности упрощенного функционализма, когда сущность сводят к функциям, содержание — к структуре, систему — к совокупности и т. д. Это также помогает преодолеть субъективизм и психологизм, редукцию и дизъюнкцию в социально-философском анализе, что становится, таким образом, вполне посильной задачей.

Согласно разработке комплексной теоретико-методологической матрицы исследования социальной безопасности личности можно предложить ряд уровней (пластов), на которых предполагается осмыслить данную проблему.

Первый пласт — внутриличностный. Он характеризуется уровнем социальной безопасности личности в рамках ее внутреннего мира. При этом социальная безопасность личности ощущается и воспринимается ею по-разному. Тем более что существуют и разные типы личности [8, с. 8–16].

Второй пласт — межличностный. Определяет состояние личной социальной безопасности во взаимоотношениях между двумя людьми. Здесь важной особенностью выступает не только внутренний мир личности, но и мир межличностных отношений (дружба – вражда, любовь – ненависть, борьба – сотрудничество и т. д.).

Третий пласт — групповой, корпоративный, коллективный. В зависимости от характеристики социальных сообществ, в которые вовлечен индивид,

дается и его конкретное определение. Понятно, что мера социальной безопасности личности и субъективные представления о ней в каждом из этих сообществ будут разными.

Четвертый пласт — собственно, общественный. Это соотношение личности и общества в целом безотносительно его конкретных структурных компонентов. Самоидентификация личности по отношению к обществу как раз и осуществляется «целиком», а не редуционно. Принадлежность к определенным этносу, стране, церкви (вере) по своему смыслу представляет обозначение принадлежности личности к целому.

Пятый пласт — связь индивида и природы. От экологической ситуации зависит безопасность жизнедеятельности индивида, а от отношения человека к природе зависит ее состояние. Наиболее ярко эта связь прослеживается в сочинениях русских философов эософского направления. В современных условиях назрела новая парадигма в отношении человека и природы: от прежней сугубо природоохранной идеологии необходимо переходить к воспроизводственной идеологии и рассматривать экологические проблемы в контексте социальной безопасности человека как воспроизводственные проблемы. В связи с этим вполне оправданно введение нового единого экологического налога и разработка общего (федерального) Экологического кодекса в нашей стране.

Шестой пласт социальной онтологии — связь личности и космоса, представленная в идеях биосферы, ноосферы и автотрофности, разработанных В.И. Вернадским.

Для понимания комплексного характера проблемы социальной безопасности личности отдельное значение имеет тот факт, что существуют (и сосуществуют) самые разнообразные типы мировоззрения людей. С точки зрения антропоцентризма (Н.А. Бердяев, Г. Марсель, Ж.П. Сартр, Х. Ортега-и-Гассет, М. Шелер) «человек — это свобода» [11, с. 323–327]. Соответственно, важнейшим критерием для оценки степени его социальной безопасности становится свобода, ее мера, форма и условия. С точки зрения социоцентризма (Х. Гадамер, Э. Дюркгейм, Э. Кассирер, А.Ф. Лосев, К. Маркс) человек — это продукт социальной среды. Следовательно, его социальная безопасность обеспечивается состоянием социальной среды, в которой он живет. С точки зрения теоцентризма (Н.О. Лосский, П.А. Флоренский, Т. де Шарден, Э. Мунье) человек есть творение Бога. Отсюда делается вывод о том, что и его безопасность — в «руке Божией». «Отпадение» индивида от абсолютных (сакральных) ценностей означает утрату им своей собственной безопасности (грехопадение).

Наконец, с точки зрения натурализма (А. Бергсон, У. Джемс, Ф. Ницше, З. Фрейд) безопасность индивида обусловлена его гармоничным существованием в природной среде. Натурализм исходит из того, что снижение безопасности личности обусловлено нарушением равновесия между интересами человека и природы.

Если соотнести четыре названных типа мировоззрения по горизонтали и шесть основных уровней социальной онтологии (пластов социальной безопасности личности) по вертикали, то в результате можно получить определенную систему координат, которая будет служить исходной *теоретико-методологической матрицей* для социально-философской реконструкции и выявления сущности, структуры, содержания и конкретных особенностей феномена социальной безопасности личности. Использование матричного подхода в изучении данного явления позволяет сформировать не только целостную картину этой комплексной и сложной проблемы, но и использовать междисциплинарные связи для ее репрезентации.

Социальная безопасность личности является важным условием для самореализации человека, раскрытия его творческого потенциала. На этапе перехода современного общества от постиндустриального состояния, характеризующегося инновационной экономикой и моделью бережливого производства, к креативной экономике и характерной для нее модели быстро реагирующего производства, вопросы обеспечения социальной безопасности человека выдвигаются на первое место. Дело в том, что растущая компьютеризация, роботизация и автоматизация практически во всех сферах жизнедеятельности индивида, наряду с положительными переменами, несет в себе и определенные угрозы. Главной из таких угроз является вытеснение человека из сферы труда, возрастание его зависимости от компьютерных сетей, превращение работника в придаток машины. Вслед за революцией управляющих, произошедшей еще в середине XX в. и приведшей к отделению капитала как собственности от капитала как функции, наступила новая, теперь уже цифровая революция, которая несет в себе угрозу подмены человека как субъекта хозяйственной деятельности человеком как объектом для манипулирования искусственным интеллектом и превращения его в демиурга.

В таком контексте необходимо пересмотреть прежние, потребительские теоретико-методологические подходы к пониманию и конструированию социальной безопасности человека и перейти к деятельностной ее трактовке как такого состояния личности, при котором она обладает всеми необходимыми субъектными свойствами (продуктивно-творческое воображение, воля к совершенству, трудовой и творческий потенциал и т. д.). Именно в силу обладания этими свойствами человек оказывается в состоянии обеспечить свою безопасность в новом политико-культурном пространстве и в цифровой экономике, в автоматизированной и роботизированной реальной и виртуальной, публичной и частной социальной среде.

Таким образом, субъектная основа социальной безопасности связана не только с развитием человеческого интеллекта, но и с его духовно-нравственным состоянием, ценностной основой бытия. Духовная доминанта в структуре такого бытия не может быть подвержена коррозии, поскольку ее девальвация или утрата несут в себе вполне осязаемую опасность деградации как для отдельной личности, так и для человечества в целом.

Литература

1. *Барт К.* Христианин в обществе // *Путь*. 1992. № 1. С. 180–210.
2. *Бергер П., Луман Т.* Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания. М.: Медиум, 1995. 323 с.
3. *Делез Ж., Гваттари Ф.* Капитализм и шизофрения. Тысяча плато. М.: Астрель, 2010. 895 с.
4. *Кьеркегор С.* Страх и трепет. М.: Академический проект, 2008. 154 с.
5. *Лем С.* Фантастика и футурология: в 2 т. М.: АСТ, 2004. Т. 2. 667 с.
6. *Лосский Н.О.* Ценность и бытие // *Бог и мировое зло*. М.: Республика, 1994. 368 с.
7. *Луман Н.* Формы помощи в процессе изменения общественных условий // *Социологический журнал*. 2000. № 1/2. С. 16–35.
8. *Львов Д.В.* Понятие «архетип» в русскоязычных научных публикациях за 2015–2016 годы // *Философия хозяйства*. 2018. № 3 (123). С. 8–16.
9. *Налимов В.В.* Спонтанность сознания. Вероятностная теория смыслов и смысловая архитектура личности. М.: Академический проект; Парадигма, 2011. 399 с.
10. *Пригожин И.* Переоткрытие времени // *Вопр. философии*. 1989. № 8. С. 3–19.
11. *Сартр Ж.П.* Экзистенциализм — это гуманизм // *Сумерки богов*. М., 1989. С. 319–344.
12. *Федоров Н.Ф.* Философия общего дела. Сочинения. М., 1982. 712 с.
13. *Хайдеггер М.* Бытие и время. Харьков: Фолио, 2003. 503 с.
14. *Хант М.* История психологии. М.: АСТ, 2009. 863 с.
15. *Шопенгауэр А.* Мир как воля и представление. Харьков: Харвест, 2011. 848 с.

Literatura

1. *Bart K.* Xristianin v obshhestve // *Put'*. 1992. № 1. S. 180–210.
2. *Berger P., Luman T.* Social'noe konstruirovaniye real'nosti. Traktat po sociologii znaniya. M.: Medium, 1995. 323 s.
3. *Delez Zh., Gvattari F.* Kapitalizm i shizofreniya. Ty'syacha plato. M.: Astrel', 2010. 895 s.
4. *K'erkegor S.* Strax i trepet. M.: Akademicheskij proekt, 2008. 154 s.
5. *Lem S.* Fantastika i futurologiya: v 2 t. M.: AST, 2004. T. 2. 667 s.
6. *Losskij N.O.* Cennost' i by'tie // *Bog i mirovoe zlo*. M.: Respublika, 1994. 368 s.
7. *Luman N.* Formy' pomoshhi v processe izmeneniya obshhestvenny'x uslovij // *Sociologicheskij zhurnal*. 2000. № 1/2. S. 16–35.
8. *L'vov D.V.* Ponyatie «arxetip» v russkoyazy'chny'x nauchny'x publikacijax za 2015–2016 gody' // *Filosofiya xozyajstva*. 2018. № 3(123). S. 8–16.
9. *Nalimov V.V.* Spontannost' soznaniya. Veroyatnostnaya teoriya smy'slov i smy'slovaya arxitektonika lichnosti. M.: Akademicheskij proekt; Paradigma, 2011. 399 s.
10. *Prigozhin I.* Pereotkry'tie vremeni // *Vopr. filosofii*. 1989. № 8. S. 3–19.
11. *Sartr Zh.P.* E'kzistencializm — e'to gumanizm // *Sumerki bogov*. M., 1989. S. 319–344.
12. *Fedorov N.F.* Filosofiya obshhego dela. Sochineniya. M., 1982. 712 s.
13. *Xajdegger M.* By'tie i vremya. Har'kov: Folio, 2003. 503 s.
14. *Xant M.* Istoriya psixologii. M.: AST, 2009. 863 s.
15. *Shopengaue'r A.* Mir kak volya i predstavlenie. Minsk: Harvest, 2011. 848 s.

D.K. Stozhko

**Methodological Aspects of Studying the Problems of Social Security
of a Personality**

The article discusses the nature, content and structure of the phenomenon of social security of the individual, its various aspects and dimensions. The interrelation of social security of a person with consciousness, value orientations and subject abilities of a person is revealed. The author's approach to the philosophical reconstruction of the phenomenon of social security of a person is proposed. The different layers and characteristics of social security are shown, as well as the possibilities for its further study in the context of multiple reality.

Keywords: personality; matrix approach; society; social security; social reality.